

Мы степью шли, от жажды изнывая,
С трудом давался каждый шаг.
Закрыла небо туча грозовая...
А друг мой пел о голубых глазах.
Окончив петь, он делался суровой,
Откидывал рукой густую прядь.
Белесые мальчишеские брови
Ломала скорбь.
Но друг мой пел опять.
Но друг не забывал ни на минуту
Задумчивую песенку свою,
И, как порой ни приходилось круто,
Он пел и на привале и в бою.
Он говорил:
— Пройдем везде и всюду! —
Он презирал лишения и страх.
Он попросил:
— Коль жить и петь не буду,
Ты будешь петь о голубых глазах.
Я знаю — он прошел бы все дороги
И жил и пел бы много-много лет...
Опять зима, опять белы отроги,
Опять кружится снег...
А друга нет.
Он пал в степи.
Свистела, выла вьюга,
И кровь на украинский снег лилась...
Раскрытыми остались губы друга
Как будто песня из груди рвалась.
И я доныне помню песню эту...
Немало песен сложит мой народ.
Но песнь о голубых глазах допета.
Ее никто, как друг мой, не споет.
1942-1944